

УТВЕРЖДАЮ:

Первый проректор – проректор по
научной деятельности
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
доктор физико-математических наук
профессор

Д.А. Татарский

« 7 / 2025 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» о диссертации Смирновой Ирины Валерьевны «ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МОШЕННИЧЕСКОГО ДИСКУРСА», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

В настоящее время, характеризующееся стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и их активным влиянием, в том числе, манипулятивным, на самые разные сферы человеческой жизни, исследования, посвященные проблемам лингвобезопасности, приобретают особое значение в современной лингвистической науке. Изучение манипулятивного воздействия, осуществляемого в мошеннических целях, позволяет не только установить когнитивно-дискурсивные механизмы последнего, но и разработать эффективные меры противодействия мошенническим действиям, реализуемым в технически опосредованной коммуникации. Этим определяется несомненная **актуальность** диссертационного исследования И. В. Смирновой, посвященного полипарадигмальному рассмотрению мошеннического дискурса в аспекте используемого в нем комплекса средств реализации его криминально-манипулятивной специфики.

Научная новизна рецензируемой работы заключается в том, что в ней впервые проведено системное изучение мошеннического дискурса на основе комплексного подхода, включающего юридический и лингвистический аспекты, к трактовке мошенничества. Обоснованы авторская функционально-прагматическая модель мошеннического дискурса и типология облигаторных и вариативных коммуникативных средств мошеннического воздействия, выявлены и описаны базовые стратегии мошеннического дискурса с учетом их лексической, стилистической, жанровой специфики и реализующих их тактик.

Теоретическая значимость диссертационного исследования И. В. Смирновой состоит в том, что его результаты развивают основные положения теории дискурса, предлагая новый подход к определению одной из его криминально-манипулятивных разновидностей – мошенническому дискурсу. Выявленные в работе особенности понимания мошенничества в правовой и языковой картинах мира могут послужить основой для дальнейшего изучения данного феномена в рамках юрислингвистики.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её материалов при разработке обучающих программ по противодействию манипулятивным технологиям и устойчивости к мошенническому воздействию, развитию систем информационной и коммуникативной безопасности. Кроме того, следует особо отметить в данном аспекте разработанное соискателем электронное приложение «Антимошенник», предназначенное для защиты пользователей от телефонного и интернет-мошенничества, что является одной из наиболее важных и перспективных задач в настоящее время, в эпоху становления новой информационной парадигмы и развития искусственного интеллекта.

Достоверность полученных результатов и выводов, представленных в работе И. В. Смирновой, обеспечивается надёжностью методологической базы исследования, опорой на авторитетные научные источники в области проблематики исследования, адекватностью используемого в ней категориального аппарата теме работы и изучаемому материалу, а также наличием репрезентативного объёма фактического материала.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации «стратегий мошеннического дискурса в аспекте их функционально-прагматического потенциала персуазивного воздействия на жертву» (с. 6). Достижению этой цели способствует решение шести задач, сформулированных автором и определивших структуру работы, которая состоит из введения, в котором ясно и четко представлены цель, задачи и другие необходимые исходные позиции осуществляемого исследования, двух глав, логически вытекающих друг из друга, заключения, в котором содержатся основные результаты работы, списка использованной литературы, лексикографических источников и сборников фольклора, нормативных правовых актов, а также списка источников эмпирического материала. Выводы по каждой из глав информативны и представляют самостоятельное осмысление изложенного материала и полученных в ходе исследования данных.

В *первой главе «Феномен мошеннического дискурса»* автор рассматривает феномен мошенничества, затрагивая проблему различных подходов к пониманию последнего, юридического и дискурсивного, демонстрируя уверенное владение понятийным аппаратом этих наук и уточняя терминологический аппарат своего исследования, убедительно обосновывает предложенный ею критерий отбора эмпирического материала – превалирование в рассматриваемом мошенническом действии коммуникативной составляющей (с. 22). Соискатель детально анализирует особенности концептуализации мошенника и жертвы, совершенно оправдано обращаясь к многочисленным и разнообразным источникам – лексикографическим, фольклорным, литературным, кинематографическим, – и приходит к выводу, что в сознании представителей различных лингвокультур закрепились сходные стереотипы в отношении к данным агентам мошеннического дискурса: «жертва всегда виновата в том, что ее удалось обмануть, и не заслуживает жалости. Мошенник – сильная личность, умный и ловкий, именно на его сторону склоняется общественное мнение» (с. 27-28).

Особого внимания заслуживает проведенное в первой главе диссертации моделирование социально-прагматической структуры мошеннического дискурса с определением его облигаторных и опциональных компонентов. Автору удается путем скрупулезного анализа установить иерархию целей данного типа криминального дискурса (с. 41-42), ролевые характеристики его агентов (с. 50), жанровое своеобразие мошеннического дискурса (с. 53), его хронотоп (с. 57), формульные сценарии (с. 60-61) и их взаимосвязь с традиционными ценностями российского общества (с. 62-63, основные стратегии и строевой материал, включающий «триаду базовых элементов: привязка к релевантным для жертвы событиям, новейшие технологические средства коммуникации, систематизация данных о жертве» (с. 71), а также прецедентные тексты, включающие нормативные правовые акты, используемые мошенниками для обоснования своих позиций и прецедентные имена (с. 74).

Диссертант последовательно и обоснованно доказывает выдвинутое в гипотезе предположение о том, что мошеннический дискурс представляет собой особый тип криминального дискурса, «основывающийся на манипулятивности и имитационности, обладающий выраженной функционально-прагматической спецификой и поддающийся лингвистическому анализу, на основе институционально-дискурсивного подхода, учитывающего агентско-клиентские коммуникативные отношения между мошенником и жертвой» (с. 8-9). Здесь хотелось бы отметить не только глубокую теоретическую подготовку и эрудицию соискателя, но и ее умение критически осмыслить и обобщить разностороннюю информацию, что позволило ей прийти к значимым для дальнейшего анализа выводам об основных структурных характеристиках мошеннического дискурса и построить авторскую модель данного вида криминального дискурса.

Вторая глава **«Коммуникативно-прагматические особенности мошеннического дискурса: базовые стратегии и тактики»** посвящена рассмотрению шести базовых стратегий мошеннического дискурса с учетом их

инвариантных и вариативных элементов, а также реализующих их тактик. Решая одну из основных задач своего исследования – выявление и систематизация стратегий мошеннического дискурса с учетом их функционально-прагматического потенциала, – соискатель успешно использует предложенный ею алгоритм описания анализируемых стратегий и тактик. Обилие примеров в диссертации, их иллюстративная и аргументативная роль, а также таблицы, демонстрирующие результаты анализа средств воздействия, используемых в стратегиях мошеннического дискурса, и структуру сценария коммуникации в рамках каждой из рассматриваемых стратегий (с. 78, 80, 100, 121, 134, 151), делают выводы автора убедительными.

Интересна и глубока интерпретация Смирновой И.В. вариативных характеристик анализируемых стратегий, включая лексические, визуальные и технические средства воздействия на адресата, детерминированные коммуникативным сценарием и уникальные для каждой стратегии.

К несомненным **достоинствам** исследования Смирновой И.В., определяющим его научную новизну и личный вклад автора в решение задач, имеющих существенное значение для современной юрислингвистики и теории дискурса, относятся следующие:

1) оригинальный алгоритм описания базовых стратегий мошеннического дискурса, в основе которого лежит инвариантная манипулятивная структура с поэлементным варьированием конкретных средств воздействия для каждой из рассматриваемых стратегий;

2) глубина анализа стратегий мошеннического дискурса, позволившего установить их обязательные и вариативные параметры, основные сценарии развертывания мошеннической коммуникации, характеристики ее основных участников с учетом психоэмоционального состояния жертвы манипулятивного воздействия;

3) чёткие и полные дефиниции значимых для работы терминов;

4) наличие достаточного полимодального иллюстративного материала в тексте работы, включающего тексты о мошеннических действиях, анкеты

жертв мошенничества, расшифровки записей экспертных интервью, скриншоты сообщений в сети Интернет.

Но, как и любое исследование на такую сложную и актуальную тему, диссертация Смирновой И.В. не лишена некоторых моментов, вызывающих дискуссию. Основные вопросы касаются следующего:

1. В разделе 1.3 автор, рассматривая концепты «мошенник» и «жертва» в языковой картине мира, вполне обоснованно отмечает негативную маркированность жертвы мошенничества и приходит к выводу, что подобная стигматизация потерпевшего в российском обществе связана с «глобальными историческими изменениями в российском социуме 90-х годов» (с. 34), усиливаясь в настоящее время (с. 35). Хотелось бы уточнить, с какими изменениями в современной российской действительности связано указанное усиление и является ли оно характерным только для российского общества?

2. При описании стратегии апелляции к смущению / чувству вины, автор отмечает ее достаточно сложный сценарий и неоднозначную эффективность, связанную, в том числе, с низким уровнем информированности мошенника об адресате, и приходит к выводу, что данная стратегия, «несмотря на небольшую финансовую емкость (выманиваемая сумма не слишком велика), является одной из самых психологически изощренных, сочетая мощный аксиологический компонент с весьма интенсивным речевым воздействием» (с. 157). В этой связи возникает ряд вопросов: насколько частотной является данная стратегия? Почему инициатор мошеннического воздействия тратит повышенные коммуникативные усилия для реализации наиболее изощренной стратегии, если финансовая выгода в случае реализации данной стратегии весьма сомнительна?

3. Среди тактик, реализующих стратегию апелляции к страху, автором выделяется тактика, основанная на внушении боязни общественного порицания, ведущим фактором воздействия которой выступает «не страх за благополучие близкого или страх потери денег или материальных активов, а страх перед общественным порицанием и связанными с ним потенциальными

деструктивными для адресата репутационными последствиями» (с. 93). Вместе с тем, в процессе описания сценария реализации данной тактики выясняется, что обвинение жертвы, вербализуемое в данной тактике, «сопровождается угрозами и постоянным упоминанием вовлечения в дальнейшее общение членов семьи адресата» (с. 96), т.е. внушается также страх за благополучие близких. Можно ли говорить в этом случае, о комплексном эмоциогенном характере данной тактики, мультиплицирующем указанные автором виды эмоции страха?

4. Хотелось бы также узнать мнение автора, почему, несмотря на широкое информирование населения, разработку различных Приложений по противодействию мошенничеству, случаи мошенничества не уменьшаются?

Высказанные вопросы не снижают общей высокой оценки диссертационной работы. Автореферат и 9 публикаций автора, в том числе 4 статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, 1 свидетельство о государственной регистрации базы данных, 1 свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ полностью отражают основное содержание диссертации. Полученные научные результаты соответствуют паспорту заявленной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Кафедра теории и практики перевода ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» пришла к выводу, что диссертация Смирновой Ирины Валерьевны «Функционально-прагматическая специфика мошеннического дискурса», выполненная под руководством доктора филологических наук, профессора Г. Г. Слышкина, является законченным научным исследованием, соответствует требованиям п.п. 9–14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Смирнова Ирина Валерьевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Отзыв ведущей организации составлен доктором филологических наук, профессором, профессором кафедры теории и практики перевода Тахтаровой Светланой Салаватовной (специальность 10.02.19 – Теория языка) и утвержден на заседании кафедры теории и практики перевода Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» 05 ноября 2025 года (протокол № 3)

И.о. заведующего кафедрой
теории и практики перевода
кандидат филологических наук

Рахимбирдиева Ильмира Мухарямовна

05 ноября 2025 г.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (КФУ)

Адрес: 420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18,

Телефон: +7 (843) 233-71-09, +7 (843) 233-74-00

E-mail: public.mail@kpfu.ru

Сайт организации: <https://kpfu.ru/>

